

УДК 94(470.5+571)-055.2

doi 10.17072/2219-3111-2019-3-51-66

СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ЯПОНСКИЕ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ: АНАЛИЗ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК В РАКУРСЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ (1945–1956 ГГ.)

М. Икута

Университет Осака, 1-1 Yamadaoka, Suita, Osaka 565-0871

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
pushkarev@mail.ru

Представлены гендерные аспекты истории советской повседневности послевоенного времени. Исследование выполнено на основании воспоминаний и мемуарных рисунков японских пленных и интернированных, работавших на советскую экономику в 1945–1956 гг. Изучая историю аккультурации японцев на советской земле, анализируя их отношения с советскими женщинами, исследовательницы показывают эвристическую ценность такого анализа для реконструкции истории Японии и России, истории советских женщин, работавших, страдавших и любивших около полувека тому назад. Необычное время (обстоятельства экстремальной повседневности для советских женщин и пленных мужчин) заставило авторов провести анализ поведенческих реакций в нестатичной обстановке, во взаимодействии сложных чувств, ожиданий, стремлений и поступков. Авторы делают вывод о том, что неустойчивые и опасные условия послевоенной жизни делали приятельские, дружеские, квази-семейные и иные социальные отношения крепче; они описывают, как разделенные колочей проволокой (виртуально или реально) люди сплачивались и старались понять друг друга во имя самосохранения. Что обучало женщин и мужчин, попавших в непривычные житейские обстоятельства, умению совладать с трудностями? Насколько это умение обострялось в обстановке экстремальности? Как менялись в такой обстановке сексуальные пристрастия и вообще что можно сказать об интимном мире тех, кто был окружен чужой культурой и враждебно настроенными людьми, говорившими на чужом языке? На эти вопросы авторы статьи ищут и находят ответы.

Ключевые слова: гендерная история, женская история, Россия, Япония, пленные, повседневные практики.

Повседневность людей в периоды социальных потрясений предполагает анализ массовых поведенческих реакций в подвижной обстановке, в неразрывном взаимодействии противоположных чувств, ожиданий, стремлений и поступков [Трапняков, 2001]. Оценить нестандартность действий индивидов можно лишь оперируя его-документами. И если раньше историк больше доверял статистике, то ныне широкие обобщения часто не вызывают доверия. Куда большее значение обрело частное: личный опыт, чья-то судьба, *другая история* [Колтинец, 2018]. Один и тот же письменный или визуальный материал может стать источником не только по истории разных стран, профессиональных миров, но и по женской или мужской истории. Гендерный подход в этом случае особенно ценен: он заставляет обращаться к темам, которые плохо отображены в официальном публичном дискурсе, кажутся второстепенными в сравнении с общими процессами в экономике, дипломатии или политике [Рингельхайм, 2000, с. 279]. Что обучало женщин и мужчин, попавших в непривычные житейские обстоятельства, умению совладать с трудностями? Насколько это умение было связано с полом? Как менялись в экстремальной обстановке сексуальные пристрастия? Каков был интимный мир тех, кто был окружен чужой культурой и враждебно настроенными людьми, говорившими на чужом языке? Более полувека изучения истории Второй мировой войны и послевоенного десятилетия исключали рассмотрение этой темы в феминистской перспективе. Сходство судеб людей, подвергшихся травме, их фобий, их преследований считались темами более важными, чем гендерные различия в пережитом [Рингельхайм, 2000, с. 274]. Однако времена изменились, и

ныне эвристически ценным может быть повторное использование уже замеченных в историографии [Кузьмина, 1996; Кузнецов, 2003; Гучинова, 2016] визуальных (рисунки) и мемуарных источников, отобразивших гендерный аспект аккультурации – взаимовлияния и взаимопроникновения повседневно-бытовых практик. В связи с задуманным в Осаке (Япония) международным проектом «Социокультурные трансформации в процессе аккультурации: обычные женщины в экстремальных обстоятельствах» предлагаем рассмотреть вопрос на примере взаимоотношений японских пленных и интернированных, оказавшихся в СССР в конце 1950-х – начале 1950-х гг., с советскими женщинами.

Япония в годы Второй мировой войны была союзником Германии, поэтому СССР держал на дальних рубежах до 28% своего военного контингента. 8 августа 1945 г. СССР объявил Японии войну; спустя неделю японская Квантунская армия признала поражение, 23 августа 1945 г. И.В. Сталин подписал решение об использовании японских военнопленных и интернированных (принудительно задержанных и переселенных) на хозяйственных объектах в СССР [Военнопленные в СССР, 2000, с. 46]. Это рассматривалось ГКО как репарация за участие Японии в войне, за тысячи погибших на западных фронтах, которые могли бы быть спасены, если бы почти треть РККА не находилась 4 года на Востоке. Интернирование японцев было прекращено соглашением между странами 19 октября 1956 г. [Галицкий, 1990, с. 120]. 10 лет экономического «наказания» Японии, вовлеченность мирных жителей, которые и оружия-то в руках не держали, осуждается современной зарубежной либеральной историографией [Ealey, 2006]. Численность японцев, оказавшихся на советской территории, исчисляется как сумма пленных (до 640.000 чел.) [Галицкий, 1999, с. 69; Карасев, 2007, с. 35] и гражданского населения, в том числе лиц, перемещенных из Маньчжурии (3.700 чел) и с Южного Сахалина (160.000 чел) [Российско-японские, 2015, с. 532]. Даже в сравнении с 1,5 миллионами пленных немцев, работавших на территории СССР по репарациям в расплату за нанесенный СССР ущерб, цифра в 710–803 тыс. японцев впечатляет. Это была огромная армия бесплатной рабочей силы, которую страна-победитель заставила трудиться на свою экономику в среднем от 2 до 6 лет. При первой же возможности большинство японцев впоследствии вернулось в родные дома. А кто-то остался – как Хакамада Муцуо, отец женщины-политика Ирины Хакамады, как Ясабуру-сан, женившийся на К. Новиковой («колымская сказка») [Доценко, 2015].

Стремление советского руководства скорейшим образом использовать бесплатную рабочую силу японцев не было исключительным отношением именно к ним как к этносу. В отдаленные от столиц районы и до войны, и после свозили и осужденных по всем статьям (от политических до уголовных), и «наказанные народы» – поляков и немцев в 1936 г, корейцев в 1937 г, [Записка, 1995, с. 123–130; Хрестоматия по отечественной истории, 1996, с. 310–323]. Но о том, что в СССР работали и японцы, в открытой печати не говорилось до 2004 г. Японские интернированные были раскиданы по всей стране: работали на Украине, в Ивановской и Московской областях, Татарстане и Грузии, Средней Азии; основная же часть – в Сибири и на Дальнем Востоке СССР. [Гучинова, 2016]. Женевская конвенция от 27 июля 1929 г. не была введена в действие японским правительством: она противоречила идее храбрости японского солдата, который не имел права сдаваться [Spector, 2008], поэтому победители считали себя вправе использовать бесплатную рабочую силу, не оглядываясь на последствия и ведя себя абсолютно безнаказанно. Принуждение военнопленных и интернированных (принудительно задержанных и переселенных) к труду рассматривалось ГКО как возмещение ущерба (репарация) за участие Японии во Второй мировой войне. Лишь 19 октября 1956 г. СССР и Япония заключили соглашение о прекращении состояния войны, и вплоть до этой даты СССР считал себя вправе использовать союзников Германии на тяжелых работах по всей стране.

Массовый завоз «спецконтингента» в СССР пришелся на зимние месяцы. Плохая еда, необустроенность жилищ, отсутствие лекарств (сыпной тиф и педикулез – бич прибывших с Сахалина и Японии), изнурительный ручной труд стали причинами высокой смертности «японского контингента» в 1945–1946 гг. (80% умерших, а это тысячи человек) [Тополь]. Исследование гендерного аспекта истории советского плен» предполагает фокусировку на аспектах их производственного быта и досуга. Больше всего японцев трудилось на лесозаготовках, строительстве зданий и автодорог как «отдельные рабочие батальоны» МО СССР. [Кузнецов, 1994; Стиридонов, 2001; Карасев, 2002]. Под влиянием пропаганды («Японец – союзник немцев!») местное население относилось к прибывшим на работы иностранцам сначала очень настороженно. Облик русского в представлении

японца мог стать еще более мрачным и недружелюбным [Бондаренко, 1997, с. 68]. Но положение изменила межгендерная коммуникация.

Гендерный аспект демографии 1945–1956 гг.: «тургеневские девушки» в послевоенном СССР

Словосочетание «тургеневская девушка» – русский литературный стереотип, сформировавшийся на основе обобщенного образа женских персонажей и часто встречаемый в произведениях И.С. Тургенева. *Тургеневскими девушками* (семейный статус и возраст значения не имеют) именуется сильные женские натуры, возросшие на национальной почве и наделенные готовностью к самопожертвованию, любовью к ближнему, стремлению его понять, духовно возвышенные, равнодушные к внешним обстоятельствам, невзгодам и трудностям [Жилыева, 2018].

Литературный стереотип *тургеневской девушки* вкуче с идеологической индоктринацией, нацеливавшей не только женщин, но и мужчин в СССР быть готовыми отдать жизнь за счастье будущих поколений, сформировал ту модель поведения советских женщин, которая – вольно или преднамеренно – отобразилась в воспоминаниях, рассказывающих об особом этапе в женской советской истории 1930–1950-х годов. Его именуют периодом тоталитарной андрогинии, маскулинизации женщин, их экономической мобилизации вначале на подготовку к войне, затем – к замещению ушедших воевать мужчин, на равноценное участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства.

Задачи строительства нового общества требовали гигантских затрат сил и времени женщин, запрет на их труд на вредных производствах и в ночное время с 1925 г. был снят. Среди миллионов тружениц больше 53% составляли малоквалифицированные. Их «вовлекали» в социалистическое строительство, поощряя, например, почти бесплатным жильем, дабы в нем зарождались новые жизни. Это было время традиционалистского отката в брачно-семейных отношениях, поражения женщин в репродуктивных правах, свертывания производства контрацептивов, запрета аборт, сложностей в бракоразводной процедуре. [Timasheff, 1946]. Для улучшения управления женскими кадрами государство выработало в эти два десятилетия стратегию подчинения женщин, задействуя традиционные и новые гендерные ресурсы [Пушкарева, 2012, с. 8–24].

Опасные условия жизни (экстремальной и после завершения войны) делали семейные и квази-семейные отношения крепче, так как пары, связанные узами дружбы и взаимопомощи, чувствовали потребность еще более сплотиться во имя самосохранения. Опору таких сплочений составляли женщины [Фицпатрик, 2001, с. 169], которых в каждой возрастной группе было более половины, а в поколении 1924–1928 гг. рождения женщин было более 83,5%. [Итоги Всесоюзной переписи, 1963, с. 59]. Среди мужчин везде преобладали женатые. Женщины же, особенно старше 50-ти лет, растили детей одни. Обострилась проблема пополнения трудовых кадров [Вишневский, 2016].

1945–1956 гг. отмечены особыми формами гендерной мобилизации: во время войны женщины стали заниматься видами деятельности, ранее считавшимися мужскими. Их трудовой день достиг в городах 10–12 часов, в деревне был еще дольше. После войны возвращавшиеся с фронтов мужчины стали вытеснять женщин с позиций лидеров. Этому способствовало возрастание символической ценности мужчин, которых на всех не хватало. Не все женщины уступили этому натиску. Традиционные функции гендерного разделения труда возродились в условиях дефицита потребительских товаров: именно женщины вязали, шили, готовили, «доставали» товары [Гордон, Клопов, 1972, с. 98]. Обострившийся жилищный вопрос сделал основной формой жилья в городах коммунальные квартиры и рабочие бараки [Меерович, 2008], от отсутствия приватности страдали все, но *тургеневские девушки* – особенно [Чуйкина, 2002]. Советские провинциалки должны были постоянно находить пути существования в обстановке недоедания, неустроенности с жильем и огромными нормами выработки на производстве. Появление интернированных, привезенных «в помощь», обнадеживало в расчетах на ускорение нормализации бытовой стороны жизни.

«Какой маленький...»: шок аккультурации советских женщин-врачей и их отношение к мужским телам японцев

Рисунки японских пленных и другие визуальные источники – ценнейший источник по вопросам межгендерной коммуникации. Всем интернированным пришлось столкнуться с женщинами в первые же дни несвободы. Женщины-врачи участвовали в принятии решения о направлении на те или иные работы: «Положено лечить – лечила, что поделасешь. Снаружи мы пытались не показывать наши настоящие чувства. Относились как к людям, которые не по собственной воле взяли

оружие в руки» [Сафина]. Воспоминания японцев пестрят упоминаниями о медосмотрах, которые проводились именно врачами [Кузьминых, 2010]. Их внимание их к пленным западало в души, один из них написал впоследствии в адрес доктора «Я молюсь за ваше здоровье...» [Сафина], другой вспомнил: «...военврач-капитан защищала нас решительно и непреклонно» [Кузнецов, 2003]. Сколько таких признаний о конкретных женщинах, о русских как нации! Акико Мураками из Киото, бывшая интернированной, но отказавшаяся вернуться в Японию, ответила много лет спустя на вопросы японского корреспондента: «Когда я загибалась среди здешних снегов, все меня бросили. Мне помогли выжить русские. Я убедилась: они всегда выручат и придут на помощь» [Эхо войны].

Шок плена, интернирования, аккультурации был усилен для японцев неожиданным столкновением с советской политикой гендерного равенства [Суржикова, 2009, с. 132–143] (в Японии мужчины и женщины получали разную зарплату за один и тот же труд, так что во врачевании женщины были на вторых ролях) [Как японцы строили социализм на Южном Сахалине]. В СССР же за годы войны были подготовлены сотни врачей и медсестер-женщин [Кузьминых, 2002]. Японцев поражал их высокий статус, решительность походки, голоса, что запечатлели рисунки [Киути]. Они именовали их «мадама», описывали в ярких красках («расцветшие, как цветы»), а себя справедливо воспринимали «обтянутыми кожей скелетами, дистрофиками» [Кузнецов, Хисанага, 1999, с. 52–53]. «Один раз пришлось мне оказаться перед женщиной-врачом в не совсем пристойном виде, – сетовал мемуарист. – А она переживала за исхудавших солдат, настойчиво укладывала их в постель: «Скорее спать!» Голос у нее был очень добрый» [Киути]. Истории о том, как женщины-врачи организовывали ежедневные помывки пленных (приказав сделать из железных ящиков умывальники), как их брили-стригли, легли в основу повести Э. Тополя «Япона коммуна, или Как японские военнопленные построили коммунизм в отдельно взятом сибирском лагере» [Тополь]. Часты воспоминания японских интернированных о том, как советские женщины спасали их от болезней: одна медсестра не отходила от постели японца несколько суток, и он выжил; «Добрые чувства благодарности простым русским людям – самое главное и светлое, что увезли из плена японцы» [Баранова, 2015].

Рис. 1. Фото 1940-х гг.

Источник: Сибериа ёкьюрю (Сибирское интернирование). Сост. К. Сато. Токио: Изд-во Хюманся, 1997. 95.

На рис. 1 женщина-врач осматривает смущенного пациента [Сибериа ёкьюрю (Сибирское интернирование), 1997, с. 95]. Комментируя это фото из газеты «Нихон синбун», российский антрополог Э.Б. Гучинова, отметила: японец на снимке похож на мальчика, хотя мог иметь военный опыт [Гучинова, 2016, с. 93]. Инфантилизация – распространенное следствие деперсонализации

пленного; от бессилия люди начинали вести себя как дети [Беттельхейм]. Мужчин-японцев смущало требование сбривать волосы в паху (способ избежать педикулеза). Спустя годы, они посмеялись над тем, что были тогда «как девочки» [Сато, 1986, с. 221].

Медсестры же не видели в этом ни веселого, ни травмирующего, хотя у иных мемуаристов образ женщины с бритвенным прибором наперевес вызывал и много лет спустя малоприятные эмоции. Одна из таких сибирских «врачих» изображена на рисунке мемуариста: толстая баба в халате поверх кителя, с угрожающе нацеленной на стоящих рядом голых мужчин машинкой для бритья в руке. Подпись к рисунку «Прежде всего всех побрили!» говорит о том, что встреча с такой бабищей нежной не была [Уэцухара, 1995: 138]. Крупные сибирячки в экстремальных обстоятельствах работы в лагерных «больничках», простодушно выражая изумление размерами детородных органов взрослых мужчин («Какой маленький!»), нанесли невольную травму тем, кого осматривали. Возгласы женщин-врачей, зафиксированные мемуаристом, были невольной реакцией грубоватых, малообразованных женщин, впервые столкнувшихся с невысокими людьми из другой страны (РВИА. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 145. Л. 32). Однако на рисунке, сделанном в лагере, пленники изображены другими: крепкими, высокими, а женщина-врач с фонендоскопом – равной им по росту и комплекции (Рис. 2).

Причина пережитой японскими мужчинами травмы, связанной с бритьем волос в паху и оценками их детородных органов, имеет основания в патриархатности укорененных в их сознании стереотипов [Гучинова]. Если до интернирования традиционная культура вполне позволяла мужчине трогать женщину за ягодицы, тактильно оценивать крутизну ее бедер или размеры груди, то в культуре перевернутой войной, женщина-врач, представляя страну-победительницу, обрела властные полномочия щупать мужское тело, прикасаться к нему с целью лишения волос в паху (признак мужественности), выражать недоумение размерами пениса. Гендерная инверсия напомнила о себе годы спустя; интернированный «выговорился» в своих рисунках, зафиксировав один из образов «неприличных» (тезаурус мемуариста) жестов.

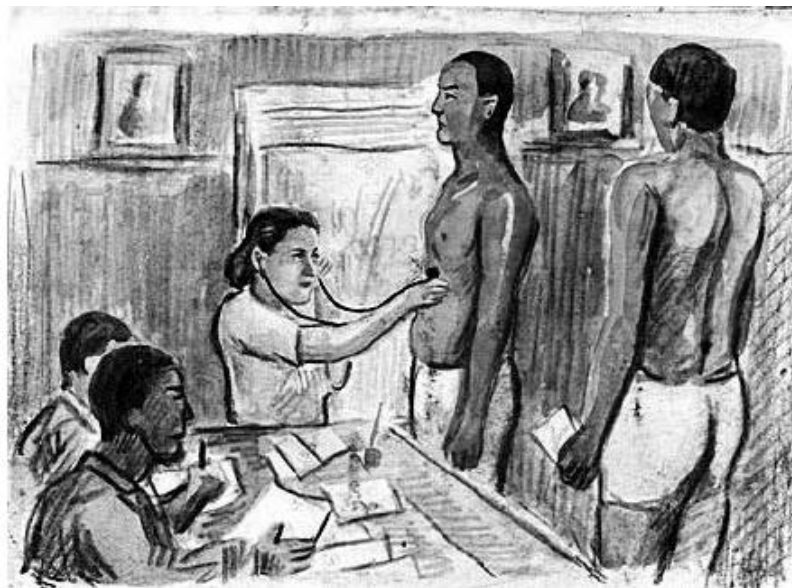

Рис. 2. Рисунок японского интернированного. 1940-е гг.

Источник: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 145. Л. 32.

Сильно задевало японцев и ощупывание врачами их ягодиц [Сато, 1986, с. 125]. На рисунке бывшего интернированного проводящая медосмотр женщина высока и статна, как ей и было предписано, она оценивала на глазок степень физической готовности интернированных к работам. Если подкожный жировой слой говорил об отсутствии истощенности – их направляли на обычные работы; худым был показан лишь легкий труд (рис. 3).

«Врач старалась ухватить нижнюю часть туловища пальцами и потянуть. Были те, у кого зад был упругим, круглым. Эти шли по первому классу. А если человек был ослаблен, то его зад был как спустившийся надувной шар» [Като, 1992, с. 59–60]. Женщины-врачи разглядывали мужские тела без смущения. Спустя месяцы оно прошло и у японцев: «...протянут между ног полотенца, как

детские подгузники, и бегают так по территории, девчонок наших на торфоразработках смущают» [Сажнева, 2005]. Память тела оказалась бесхитрострее памяти интеллекта.

То, что казалось унижением, стало восприниматься с юмором.

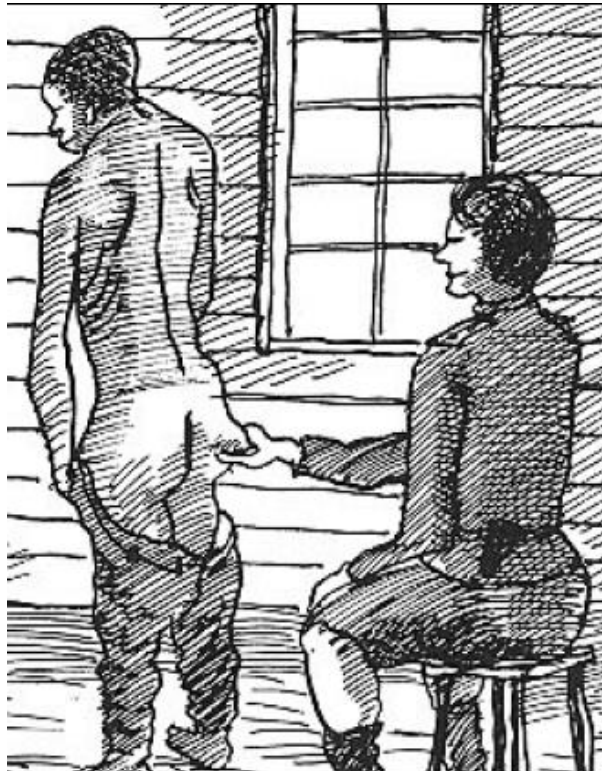

Рис. 3. Медицинский осмотр перед направлением на работы. Рис. японского интернированного. Источник: Сато Киёси. *Сибиря рёсю-но инори* (Молитва сибирского пленника). Токио: Тайрюся, 1986.

«Без вас мы не выжили бы»: экстремальность повседневной жизни

Трудности послевоенной жизни оказалось легче преодолевать вместе и охраняющим, и охраняемым. Интернированные «отличались высокой культурой, трудолюбием, у них были невероятные способности» [Сафина]. Фельдшерница З. Камаева вспоминает, что многому научилась у пленников («мы сами наблюдали, как они пищу варили»). Японцы же признавались бывшим охранникам: «Если бы не вы, то нас бы здесь в живых не было» [Сафина]. Можно увидеть в этом стокгольмский синдром (когда заложники начинают сочувствовать своим захватчикам и оправдывать их действия) [Namnyak, Tufton, 2008, с. 4–11]. «Небольшого роста, черноволосые, нам они казались все на одно лицо. Не успевшие привыкнуть к нашему климату, постоянно простуженные и сопливые, трясущиеся от холода, у наших баб они вызвали умиление и жалость. Хоть и у нас с продуктами было не очень, но, отварив картошки, мы постоянно подкармливали их. За такую заботу они нас благодарили: «Спасибо, мадам» – и дарили всякие безделушки» [Русский архив, 1996: 66–67].

Тем же чувством проникнуты воспоминания С.О. Фоломьевой, текст которых перекликается с записями японца: «Люди-японцы как люди. Мы их жалели. Ребятишки носили им папиросы и что-нибудь из еды» [ЦХДНИ. Ф. 26. Оп. 16. Д. 11. Л. 31]. «“Японец! Тебе голодно, да? На. Кушай!” – русская женщина подала черный хлеб. Из благодарности за теплоту ее сердца я просто склонил голову и получил хлеб» [Киути].

Некий Г.П. Горовецкий, с 1945 г. работавший офицером в Красноярском лагере военнопленных, рассказал, что застал японца, ходившего по домам за подаянием и стучавшегося в разные двери («думал, что стучит к гражданским»): «Взял я самурая за рукав. Жена моя налила ему щей, заставили пообедать. Долго он кланялся» [Стиридонов].

По закону работавшим японцам полагалась зарплата. Россиянки помогали ее «отovarить», обменять на хлеб, крупу, масло, молоко [Хисанага, 1999, с. 76]. «Каждое утро местные женщины оставляли свой товар у стен плотины, а взамен брали деньги, которые японцы оставляли под пустыми бутылками» [Тутов]. Но, по воспоминаниям Е. Кривелевой, японцы были сыты, «хорошо

одеты». Матери останавливали детей, когда те выпрашивали что-то у японцев, зная, что работающие делятся пайкой: «Один раз домой принесла кусочек хлеба. Нас тогда пятеро детей было. А мама сказала: зачем ты, мол, взяла? Он японец, значит, *свой кусочек принес*» [Сафина].

Рис. 4. Знакомство с новыми пищевыми привычками: картофеля в рационе у японцев не было.

Источник: Киути Нобуо. Иллюстрированный дневник японского военнопленного (<http://magspace.ru/blog/ISTORIA/240333.html>)

Оказывая помощь, россиянки и японцы реализовывали собственные интересы, описаниями сцен обмена услугами пестрят воспоминания: женщины часто просили японцев помочь по хозяйству, заготовить дрова [Тарасов, 2018]. Сталкиваясь с чужой культурой, хозяева и «гости» приспосабливались к обстоятельствам, невольно перенимали новые привычки (Рис. 4). Россиянок изумила японская баня – офуро, но они быстро поняли, что этот навык – путь к экономии воды («на берегу бухты... устанавливалась большая бочка, внутри [ее] скамейка. Разводили под бочкой большой огонь, подогревали воду; далеко окрест слышался здоровый мужской смех») [Эхо войны]. «Женщины дарят нам потихоньку разные вещи» [Оути, 1955, с. 160], – признавался один из мемуаристов, привыкая пользоваться предметами быта, принятыми в другой стране. Другой рассказал, как женщины из поселка меняли на еду электрические лампочки (которые выдавали японцам, умеющим обращаться с электропроводкой) (рис. 5.) [Сайто, 1991, с. 56–62].

В обстоятельствах собственной неустойчивости русские женщины – будто оправдывая прозвание «тургеневских девушек» – проявляли самоотверженность по отношению к больным японцам, помогали лекарствами (если имели), давая приют в теплой избе («сказал, что болен, температура под 40, она затопила печь и старательно согрела комнату») [Ямасита, 1993, с. 73]. Японцев поражала готовность советских женщин давать займы деньги и продукты, а потом «забывать» о долге [Эхо войны]. Россиянки же понимали, что иностранцы прибыли из другого, наполненного бытовыми товарами мира, знали это и японцы [Кузнецов]. Все японское было для женщин желанным. Они с удовольствием им пользовались (особенно зубным порошком) [Город на Дальнем Востоке].

«То были прекрасные мгновения»: привязанности между «мадами» и японскими интернированными

Сильные эмоциональные привязанности, несмотря на запреты, случались в той экстремальной послевоенной повседневности. Они были редкими среди интернированных японок и российских военных [Как японцы строили социализм], но среди японцев-мужчин и россиянок – все же частыми. Нередко это были отношения между вольными женщинами, жившими недалеко от лагерей и строев, и «молодыми, энергичными и сильными парнями солдатского возраста», которые

«давно не ощущали женского тела» [Ёсида, 2000, с. 78]. Женщины-«вольняшки» иногда специально завербовывались в конвоиры в лагерь, чтобы найти среди охраняемых кого-то, кто восполнит нехватку мужчин рядом. «В соседнем селе девчонка молодая... завербовалась работать конвоиром. Фигуристая, кровь с молоком, приглянулась [она] японскому майору. “Поменяйся ночью с Верочкой сменами, она согласная ко мне в барак прийти. Я знал, что это запрещено, но жалко их стало”» [Сажнева, 2005]. Советские женщины рады были показать японцам свои профессиональные умения, удивить их – и тем заманить к себе. Были даже случаи проявления любви русских женщин к японским солдатам. То были прекрасные мгновения» [Киути].

Рис. 5. Обмен необходимым.

Источник: Сайто Кунио. Манга. Сибэриа ёкурюхеи моногатари.

(Повесть о сибирском интернировании.)

Токио: Тайрюся, 1991. Т. 2. 261 с.

Воспоминания женщин повествуют о том, как трудно было найти тогда какую-то косметику. Но желание нравиться заставляло женщин проявлять чудеса смекалки, чтобы «днем одеваться по-рабочему, а вечером выходить в прекрасной одежде», как это воспринимали японцы. И как было тем девушкам не заметить, что они привлекательны, если японцы провожали их взглядами и потом «спорили, на кого она посмотрела: на меня или на другого» [Оути, 1955, с. 163–164]. «В Сибири мы впервые увидели женщину в туфлях на высоких каблуках. Она показалась странной, вид ее был неуместным в Сибири. Она могла быть женой кого-либо из служащих...» [Русский плен глазами японского солдата, 2010]. Прошли годы, а японцы помнили, какими красавицами представляли перед ними те, кто не имел возможности приодеться, но умел держаться по-королевски («Вот и красавица доктор-лейтенант с пышной грудью, осознавая свои достоинства, проходит расправив плечи») [Киути, 2011]. Пленные, жившие в ужасных условиях, все же жалели женщин, вынужденных работать по-мужски. Эта жалость иногда помнилась лучше, чем несправедливые приказы (подчас исходившие от женщин же). Советские «мамады», соскучившиеся по мужчинам, умышленно или невольно забыв про все запреты, старались понравиться тем, кого они охраняли.

Вступление в более близкие отношения, как ни странно, не всегда было в радость не только женщинам, но и японцам, жителям страны перmissive сексуальной культуры. Столкновение с неразвитостью культуры тела и интимных отношений в СССР могло разочаровать даже истосковавшихся по женской ласке: «Она отличалась особой дородностью. Когда она ответила взаимностью, любовь прошла. Он пожаловался товарищу, что она не сумела так доставить наслаждение, как японка. Такими можно увлечься, но ненадолго» [Маркдорф, 2011].

Мужчин-японцев раздражала неумелость советских женщин в интимных делах, но не стоит забывать, что для женщин были недоступны не то что чьи-то «уроки» такого рода, но даже разговоры об этом. Половая жизнь в СССР «могла существовать только в сфере стыдливого умолчания или эвфемизмов, общественный этикет делал немыслимым обсуждение таких вещей» [Вайль, Ге-

нис, 1996]. Расплата же советских женщин за вспыхнувшие чувства к японцам значительней простого разочарования. В обстановке послевоенного времени за контакты с иностранцем плата была дорогой: «Женщина, работница конторы, влюбилась в Х., который красил там стены. Она сказала ему, что он похож на ее мужа, погибшего в Ленинграде. Позже она родила ребенка. Ее отправили на материк. Х. перевели в другое место» [Оути, 1955, с. 132]. Кому-то из вступивших в отношения везло: в городе Канске Красноярского края осталось около 50 бывших солдат Квантунской армии, женившихся на местных жительницах [Кузнецов, 2003], но не всем желавшим остаться в СССР такое разрешение давали. Как ни хотели остаться в СССР японцы, не по своей воле оказавшиеся в чужой стране и нашедшие тут, казалось бы, судьбу, обычно они получали отказ, еще чаще – перевод в другой лагерь. Преступившие закон (исключавший эмоциональное сближение с пленными) женщины за свою запретную любовь часто расплачивались несколькими годами в ГУЛАГе [Маркдорф, 2011]. Не связанные обязательствами «вольняшки», работавшие вне системы охраны, медицины и вообще лагерей, не отказывавшиеся от отношений с японцами, могли ощутить на себе предосудительные взгляды. И все же очевидцы говорят, что с тех пор в Сибири «осталось много детей русско-японского происхождения», потому что русские женщины с радостью «выходили замуж за японцев: те имели деньги и не пили “горькую”» [Тарасов, 2018].

И на воле, и в лагере о таких романах знали, слухи разлетались: «Эстакадница Маруся – возлюбленная шахтера Кооно, канатчица Аня влюбилась в забойщика Оцукава. Даже в стесненной жизни лагеря было такое веселое время» [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 16. Л. 327]. В Алтайском крае при досмотре одного из отъезжающих на родину военнопленных было обнаружено письмо и фотография русской девушки: «Убитая горем, что не может уехать за любимым в Японию, она писала, что ей одной придется воспитывать ребенка» [РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 4. Л. 41]. Пояснением к этим строчкам выглядит рисунок из «Иллюстрированного дневника японского военнопленного» и нехитрые воспоминания: «Там была девушка, боевая подруга, для которой это расставание было особенно больно. И ты, Наташа, что так горько шепчешь слова прощания, что ты сейчас делаешь, что с тобою бедною стало?» (Рис. 6) [Киути, 2011].

Рис. 6. «И ты, Наташа, что так горько шепчешь слова прощания, что ты сейчас делаешь, что с тобою бедною стало?»

Источник: *Киути Нобуо*. Иллюстрированный дневник японского военнопленного (<http://magspace.ru/blog/ISTORIA/240333.html>)

Обобщая тему интимных отношений в обстановке экстремальности, трудно не вспомнить: в СССР это было время запрета на все, приносящее индивидуальную радость, в том числе на радость секса: «Когда секс – запретная тема, критическая способность мыслить для человека также становится запретной, превращая его в покорную личность, которая должна соответствовать требованиям авторитарного общества» [Райх, 1997].

Вынужденная маскулинизация женщин в послевоенном СССР глазами японских интернированных

Идеология «новой женщины-матери», которая активно индоктринировалась на протяжении всего предвоенного времени и во время войны, включала апологию женщины-труженицы и помощницы мужчины в борьбе с врагами. Эта идея имела внешнее воплощение в стирании гендерных граней в рабочей одежде и общей внешней маскулинизации, которая оценивалась положительно [Неминуций, 2016, с. 117]. Столкновение с такой стороной политики гендерного равенства, когда женщины становились по-мужски грубыми, обретали право начальственного окрика, впоследствии было оценено японцами с юмором, но (похоже) вначале столкновение не столько культур, сколько идеологий было травматическим. «Была у нас такая страшная тетя офицер. С неожиданными проверками было совершенно не схалтурить», – вспоминал бывший пленный, дав название рисунку «Чисто надо подметать!» [Киуту]

Мыслью о том, что работа в послевоенные годы была тяжелой и для пленных, и для женщин, вынужденных приспосабливаться к высоким нормам выработки и просто к неженской работе, пронизаны буквально все воспоминания. Советское «равенство полов» предполагало адаптацию женского тела к традиционному мужскому стандарту. В японских изображениях работающих советских «товарок», трудившихся рядом и наравне, заметна акцентуация на широких плечах, мускулах, крепких руках и ногах при отсутствии готовности быть робкой. Мы видим женщин доминирующего типа – уверенных в своей правоте, воспитанных в духе равенства. Японцы годы спустя не подтрунивали над этим, а восхищались: «Девушки, всецело отдававшиеся работе, были красивыми в своем труде» [Киуту]. Аналогичные образы крепких, энергичных женщин-товарищей дают и другие изображения совместной, гендерно недифференцированной работы. «Попробовал я как-то поработать славянской косой. У девушки получалось с легкостью, а с меня пот тек. «Потому что нельзя вертеть спиной», – говорила девушка [Киуту]. Другой вторил: «Сбор сена был обязанностью женщин. В России мужчины и женщины равны. Железное правило в русском обществе: только те, кто работает, заслуживают того, чтобы поесть. То, что русские женщины много работают, следуя этому правилу, впечатляет. Они хорошо сложены и сильны, как мужчины» [Isamu, 1994, с.185]. Высокие, сильные, необыкновенно выносливые – такими виделись японцам россиянки 1940-х, жившие далеко от столиц и выдюжившие немалые тяготы непривычной по нагрузкам работы. Изможденным, невысоким японцам русские женщины казались силачками; они и описывали их физическую и трудовую доблесть с восторгом («одну даму можно было сравнить с пятью человеками») [Камицухара, 1995, с.138]. О том, как русские угольщицы справлялись с авариями – сходом вагонеток с рельсов – рассказал еще один современник: «“Мамамы” собираются все вместе и, приложив силу больших задов, ставят вагонетки на место. Сила задов “мамамов” замечательная. Под крики “Раз-два, взяли!” им удается ликвидировать аварию. Русские “мамамы” все толстячки, настоящие силачки» (рис. 7) [Escida].

По словам колымчанки Л.К. Новиковой, работавшей с 1947 г. вместе с японцами на лесозаготовке у Хениканджи, работа начиналась подъемом в 6 утра, после завтрака шли на работу 10 километров. Одна норма была для мужчин и женщин – 12 кубометров, питание скудное – хлеба 500 г, горох – тем, кто норму выполнял. «Нет нормы – пайка уменьшалась до 300 г». Вспоминая то время, Л.К. Новикова удивлялась, что японцы оптимистично ее подбадривали «Хоросо, мадама!» [Эхо войны]. Сейчас мы понимаем: женщин обязывали к жертвам во имя будущего детей, в реальности же делали их заложницами ВПК. С ощущением постоянной ответственности за выполнение нормы, добровольно отказываясь от реализации индивидуальных желаний (во имя государства, нации), советские женщины, живя в тяжелых условиях Сибири и Дальнего Востока, ни о чем свое государство не просили; государство же пользовалось их молчанием, скупилось на ассигнования в сферу социальной защиты и здравоохранения, бытовых услуг и рынка товаров.

Рис. 7. «Русские мадамы все толстячки, настоящие силачки».

Источник: Юкио Ёсида. Три года в плену.

Сказание бывшего военнопленного сержанта японской армии.

Зеленогорск: Зеленогорская тип., 2000 . С. 112.

Подводя итоги рассмотрения гендерного аспекта истории взаимодействия двух культур и идеологий в экстремальных условиях послевоенной разрухи, трудно не признать: повседневность и телесные практики – важная составляющая любой исторической реконструкции. «Ментальность, эмоциональность и установки поведения – не поверхностные или излишние “украшения” истории, подчас они способны сказать больше, чем изощренно построенные абстракции» [Ле Гофф, 1992, с. 6–7]. Женская советская история 1945–1955 гг. – период экстремальный. На долю женщин 1920-х (и более ранних) годов рождения выпало несколько социальных катаклизмов: детство пришлось на период формирования советского тоталитаризма, юность совпала с войной, каждая имела тот или иной опыт столкновения с советской карательной системой. Не потому ли их гендерная травма не была артикулирована ни тогда, ни сейчас? Они и поныне зачастую остаются «молчащими», для них не было выработано способа говорения о наболевшем, не сложилось языка, на котором можно высказать пережитое. Поскольку женщины сами не рассказали тогда, да и сейчас говорят мало об интимных сторонах своей прошлой жизни, на помощь приходят записки и рисунки людей другой культуры. В столкновении с нею острее видны проблемы быта россиянок.

Жители современной РФ, узнавая историю интернирования, восстанавливают утаенные страницы советского прошлого. Уже много написано о травматическом опыте самих пленных в чужой стране, наш текст – дополнение к тем публикациям. Анализ историко-бытовой стороны истории плена – это новые основания для понимания женского советского послевоенного прошлого, модусов межгендерной и межкультурной коммуникации, ведь «мир един, и люди во многом похожи друг на друга. Не знаем языка, но подними руку и помаши ею – и все станет понятно без слов» [Киути].

Библиографический список

Беттельхейм Б. Люди в концлагере. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Chern/05.php (дата обращения: 11.02.2018).

Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные

- годы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 67 с.
- Вайль П., Генис А.* 60-е годы. Мир советского человека. Москва: НЛЮ, 1996. 432 с.
- Вишневский А.Г.* Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 342.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.
- Галицкий В.П.* Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115–123.
- Галицкий В.П.* Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1999. № 4. С. 69–96.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. М., 1972. 207 с.
- Город на Дальнем Востоке, отстроенный японскими военнопленными. URL: <https://inosmi.ru/history/20150813/229618335.html> (дата обращения: 02.02.2018)
- Гучинова Э.Б.* Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, 2016. 220 с.
- Гучинова Э.Б.* Гендер, память и травматическое прошлое. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/eng/news/no13/enews13-essay2.html> (дата обращения: 02.02.2018).
- Доценко И.* Колымский сюжет для светлой сказки // Российская газета. 18.12.2015. С. 3.
- Жилиева Я.* Тургеневские девушки современной России // Неприкосновенный запас. 2018. Т. 3. Вып. 119. С. 145–152.
- Записка Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, 30-40-х -нач. 50-х гг. // Вестник Архива Президента РФ. 1995. № 1. С. 123–130.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М., 1963.
- Как японцы строили социализм на Южном Сахалине в 1945–1949 годах. URL: https://pikabu.ru/story/stalinizm_poyaponski_chast_vtorayakak_yapontsyi_stroili_sotsializm_na_yuzhnom_sakhaline_v_194549_godakh_5396857 (дата обращения: 25.01.2018).
- Камицухара Й.* Ироха кард. Ро // Выставка картин об интернировании в Сибирь. Сер. 1. Майдзуру: Майдзуру Хикиаге Кинекан, 1995.
- Карасев С.В.* История плена. Советско-японская война и ее последствия (1945–1956г.): Автореф. дисс. ... д.и.н. Улан-Удэ, 2007. 39 с.
- Карасев С.В.* Японские военнопленные в Читинской области (1945-1949 гг.). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sib-japan/10 (дата обращения: 25.01.2018).
- Като Кюдзо.* Сибирь в сердце японца. Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука (СО), 1992. 112 с.
- Киути Нобуо.* Иллюстрированный дневник японского военнопленного. URL: <https://www.fresher.ru/2011/02/22/illyustrirovannyj-dnevnik-yaponskogo-voennoplennogo/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Колтинец Е.* Песни нативности и опыта. URL: www.colta.ru/articles/specials/17962 (дата обращения: 28.04.2018).
- Кузнецов С.И.* Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1994. 190 с.
- Кузнецов С.И.* Россия глазами японских интернированных (1945–1956) // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). Иркутск, 2003. Вып. 2 (14).С. 287–304.
- Кузьмина М.* Плен (Японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск–на–Амуре: Изд-во Комсомольского–на–Амуре Гос. Пед. ин-та, 1996. 154 с.
- Кузьминых А.Л.* Россия и лагерный мир глазами иностранцев. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3sh/ala/mov/20.htm> (дата обращения: 25.01.2018).
- Кузьминых А.Л.* Иностранные военнопленные и советские женщины // *Кузьминых А.Л.* Система ГУПВИ НКВД–МВД СССР: генезис, эволюция, распад (1939–1953 гг.). М.: Наука, 2010. С. 255–265.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация Средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Маркдорф Н.М.* Считалось, что сбежать невозможно // Аргументы и факты. №39. 28 сент. 2011. С. 6.

- Меерович М.Г.* Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917–1937. М.: РОСПЭН, 2008. 304 с.
- Неминуций А.Н.* Категория женственности в советском кино 1930-х гг. // Вестник Псковского государственного университета. 2016. № 3. С. 117–123.
- Ооути Моринари.* Старые военные ботинки. Хоккайдо, б/ изд. 1955.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 824.
- Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997. 379 с.
- Рингельхайм Дж.* Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 254–279.
- РВИА - Российский военно-исторический архив.
- Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под ред. А.В. Торкунова и М. Иокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1023 с.
- Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР. Т. 24[13]. М., 1996.
- Русский плен глазами японского солдата // Прибайкалье. 29.09.2010. URL: <http://www.pribaikal.ru/events-culture0/article/5450.html> (дата обращения: 25.01.2018).
- Сажнева Е.* Русский гроб для самурая // Московский комсомолец. 11.05.2005. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/05/11/196470-russkiy-grob-dlya-samuraya.html> (дата обращения: 25.01.2018)
- Сайто Кунио.* Манга. Сибэриа ёкурухеи моногатари. (Повесть о сибирском интернировании) Токио: Тайрюся, 1991. Т. 2. 261 с.
- Сато Киёси.* Сибэриа рёсю-но инори (Молитва сибирского пленника). Токио: Тайрюся, 1986. 294 с.
- Сафина Алия.* Встречи с прошлым и настоящим: Немецкие и японские военнопленные глазами жителей Елабуги. URL: <http://urokiistorii.ru/article/1135> (дата обращения: 25.01.2018).
- Сибэриа ёкуру (Сибирское интернирование). Сост. К. Сато. Токио: Изд-во Хюманся, 1997. 196 с.
- Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/43.htm> (дата обращения: 25.01.2018).
- Суржикова Н.В.* Советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 132–143.
- Тарасов А.* Два сержанта. Василий Дурочкин охранял, Юкио Ёсиду сидел. Как погибали и как выживали пленные японцы в Сибири // Новая газета. 2018. № 47.
- Трапянок Н.Г.* Социологический мониторинг массового поведения людей в экстремальных ситуациях. Минск: БГУ, 2001. 215 с.
- Тутов А.В.* Японские военнопленные в Узбекистане. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html (дата обращения: 25.01.2018).
- Уэцухара Ё.* Карта «И». Барей ироха карта // Сибэриа ёкуру гатен (Shiberia yokuryu gaten. Выставка картин об интернировании в Сибирь). Сер. 1. Майдзуру: Майдзуру Хикиаге Кинекан, 1995.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е годы: город. М.: РОСПЭН, 2001. 328 с.
- Хисанага Ц.* Спи, друг. Рекивем по Сибири. Фукуинкан. 1999. 156 с.
- Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995) / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М.: ВЛАДОС, 1996. 896 с.
- Чуйкина С.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–127.
- Эхо войны – Эхо войны на Тихом океане. URL: <http://www.kolymastory.ru/glavnaya/hh-vek-neizvestnoe-o-vojnah-na-tihom-ok/echo-vojny-na-tihom-okeane/> (дата обращения: 25.01.2018).
- Юкио Ёсида.* В Сибирском плену // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2000. №5. Зеленогорск: Зеленогорская тип., 2000. 112 с. [www.krasdin.ru/2000-5-6/S072]

Ямасита Сидзуо. За мир! Документальные зарисовки одного японского солдата. Рассказ о Сибири. Тибба: Б. и., 1993. 156 с.

Ealey Mark. An August Storm. The Soviet-Japan Endgame in the Pacific War: The Japan Focus // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2006. Volume 4. Issue 2 (<https://apjif.org/-Mark-Ealey/1988/article.html>)

Isamu Ioshida. For a Japanese Soldier a Long Way to Return Home. Osaka: University of Osaka, 1994. 196 p.

Namnyak M., Tufton N. and others. Stockholm syndrome?: psychiatric diagnosis or urban myth? // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2008. V. 117 (1). P. 4–11

Spector R. In the Ruins of Empire: The Japanese Surrender and the Battle for Postwar Asia. New York: Random House Trade Paperbacks, 2008. 400 p.

Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. N. Y.: E.P. Dutton and Company Inc, 1946. 486 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.09.2019

SOVIET WOMEN AND JAPANESE INTERNEES: AN ANALYSIS OF EVERYDAY PRACTICES IN THE PERSPECTIVE OF GENDER HISTORY (1945-1956)

Mitiko Icuta

Osaka University, 1-1 Yamadaoka, Suita, Osaka 565-0871, Japan

N. L. Pushkareva

N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
pushkarev@mail.ru

The article presents gender aspects of the history of the postwar Soviet everyday life. The study was organized on the basis of memoirs of Japanese prisoners and internees who worked for the Soviet economy in 1945-1956. Studying the history of Japanese acculturation in the Soviet society and analyzing their relationship with the Soviet women, the authors show the heuristic value of such an analysis for reconstructing the history of two countries and the history of the Soviet women who worked, suffered and loved about half a century ago. The unusual time (the circumstances of extreme daily routine for the Soviet women and captive men) forced the authors to conduct an analysis of behavioral reactions in an unsteady environment, in the interaction of complex feelings, expectations, aspirations and deeds. The authors conclude that unsustainable and dangerous living conditions (extreme even after the war) made friendly, quasi-family and other social relations stronger; they describe how people, separated by a barbed wire (virtual or real one), rallied and tried to understand each other for the sake of self-preservation. How did women and men who fell into unaccustomed everyday circumstances cope with difficulties? How much did the skill aggravate in an extreme situation? How did sexual preferences change in this situation, and what can we say about the intimate world of those surrounded by the alien culture and hostile people who spoke a foreign language?

Key words: gender history, women's history, Russia, Japan, internees, everyday practices.

References

Bettel'heym, B. (2004), *Lyudi v kontslagere* [People in the concentration camp], available at: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Chern/05.php (accessed: 11.02.2018).

Bondarenko, E.Yu. (1997), *Yaponskie voennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii v poslevoennyye gody* [Japanese prisoners of war in the Russian Far East in the post-war years], Izd-vo Dal'nevost. un-ta, Vladivostok, Russia, 67 p.

Chuikina, S. (2002), "Life is inseparable from politics": official and informal norms of "sexual" morality in the Soviet society of the 1930s-1980s", in Zdravomyslova, E. & A. Temkina, *V poiskah seksual'nosti* [In search of sexuality], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 99-127.

Dotsenko, I. (2015), "Kolymsky plot for a bright fairytale", *Rossiyskaya gazeta*, December 18, p. 3.

Ealey, M. (2006), "An August Storm. The Soviet-Japan Endgame in the Pacific War: The Japan Focus", *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, Vol. 4, Issue 2, available at: <https://apjif.org/-Mark-Ealey/1988/article.html> (accessed: 02/02/2018).

Ekho voyny - Ekho voyny na Tihom okeane [Echo of the war in the Pacific] (w.d.), available at: <http://www.kolymastory.ru/glavnaya/hh-vek-neizvestnoe-o-vojnah-na-tihom-ok/eho-voyny-na-tihom-okeane/> (accessed: 25.01.2018).

- Esida, Y. (2000), "In the Siberian captivity", *Den' i noch'*. Literaturnyy zhurnal dlya semeynogo chteniya, № 5, available at: www.krasdin.ru/2000-5-6/S072 (accessed: 02/02/2018)
- Fitspatrik, Sh. (2001), *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoy Rossii v 1930-e gody: gorod* [Casual Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: a city], ROSPEN, Moscow, Russia, 328 p.
- Galitskiy, V.P. (1990), "Archives about the camps of Japanese prisoners of war in the USSR", *Problemy Dal'ne-go Vostoka*, № 6, pp. 115-123.
- Galitskiy, V.P. (1999), "Japanese prisoners of war in the USSR: truth and speculation", *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, № 4, pp. 69-96.
- Gordon, L.A. & E.V. Klopov (1972), *Chelovek posle raboty* [The man after work], Moscow, Russia, 207 p.
- Gorod na Dal'nem Vostoke, otstroenny yaponskimi voennoplennymi* [The city in the Far East, rebuilt by Japanese prisoners of war] (2015), available at: <https://inosmi.ru/history/20150813/229618335.html> (accessed: 02/02/2018).
- Guchinova, E.-B. (2006), Gender, memory and traumatic past, available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/eng/news/no13/enews13-essay2.html> (accessed: 02.02.2018)
- Guchinova, E.-B. (2016), *Risovat' lager'*. YAzyk travmy v pamyati yaponskih voennoplennykh o SSSR [Draw the camp. The language of the trauma in the memory of Japanese prisoners of war about the USSR], Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 220 p.
- Hisanaga, Ts. (1999), *Spi, drug. Rekivem po Sibiri* [Sleep friend. Rekivem in Siberia], Fukuinkan, Tokyo, Japan, 156 p.
- Isamu, I. (1994), *For a Japanese Soldier a Long Way to Return Home*, University of Osaka, Osaka, Japan, 196 p.
- Itoги Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 g.: RSFSR* [Results of the All-Union Population Census of 1959: RSFSR] (1963), Moscow, Russia.
- Kak yaponsky stroili sotsializm na Yuzhnom Sahaline v 1945-1949 godah* [How the Japanese built socialism in Southern Sakhalin in 1945-1949] (w.d.), available at: https://pikabu.ru/story/stalinizm_poyaponski_chast_vtorayakak_yaponsky_stroili_sotsializm_na_yuzhnom_sakhaline_v_194549_godakh_5396857 (accessed: 25.01.2018).
- Kamitsuhara, J. (1995), "Iroha card. Po", in *Vystavka kartin ob internirovanii v Sibir'. Seriya 1* [Exhibition of paintings about internment in Siberia. Series 1], Maizuru Hikiage Kinekan, Maizuru, Japan.
- Karasev, S.V. (2002), *Yaponskie voennoplennye v CHitinskoy oblasti (1945-1949 gg.)* [Japanese prisoners of war in the Chita region (1945-1949)], available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sib-japan/10.htm (accessed: 25.01.2018).
- Karasev, S.V. (2007), *Istoriya plena. Sovetsko-yaponskaya voyna i ee posledstviya (1945–1956g.)*. Avtoref. diss. d.i.n. [The story of captivity. The Soviet-Japanese war and its consequences (1945-1956). Dissertation Abstract], Ulan-Ude, Russia, 39 p.
- Kato, K. (1992), *Sibir' v serdtse yaponsa* [Siberia in the heart of a Japanese], Nauka, Novosibirsk, Russia, 112 p.
- Kiselev, A.F. & E. M. Shchagin (eds.) (1996), *Hrestomatiya po otechestvennoy istorii (1946-1995)* [Reader on the national history (1946-1995)], VLADOS, Moscow, Russia, 896 p.
- Kiuti, N. (2011), *Illyustrirovanny dnevnik yaponskogo voennoplennogo* [An illustrated diary of a Japanese prisoner of war], available at: <https://www.fresher.ru/2011/02/22/illyustrirovannyj-dnevnik-yaponskogo-voennoplennogo/> (accessed: 12.01.2018).
- Kolpinets, E. (2018), "Songs of Naturality and Experience", *Kolta*, April 28, available at: www.colta.ru/articles/specials/17962 (accessed: 28.04.2018).
- Kuzmina, M. (1996), *Plen (Yaponskie voennoplennye v Habarovskom krae)* [Captivity (Japanese prisoners of war in the Khabarovsk Territory)], Izd-vo Komsomol'skogo-na-Amure gos. ped. in-ta, Komsomolsk-on-Amur, Russia, 154 p.
- Kuzminykh, A.L. (2002), "Russia and the labor camp world through the eyes of foreigners", in Yesipov, V.V., *Shalamovskiy sbornik*, Grifon, Vologda, Russia, available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/3sh/ala/mov/20.htm> (accessed: 25.01.2018).
- Kuzminykh, A.L. (2010), "Foreign prisoners of war and Soviet women", in Kuzminykh, A.L., *Sistema GUPVI NKVD–MVD SSSR: genezis, evolyutsiya, raspad (1939–1953 gg.)* [System of GUPVI NKVD-MVD USSR: genesis, evolution, decay (1939-1953)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 255-265.
- Kuznetsov, S.I. (1994), *Problema voennoplennykh v rossiysko-yaponskih otnosheniyah posle Vtoroy mirovoy voyny* [The problem of prisoners of war in Russian-Japanese relations after the Second World War], Irkut. gos. un-t, Irkutsk, Russia, 190 p.
- Kuznetsov, S.I. (2003), "Russia through the eyes of Japanese internees (1945-1956)", *Sibirskaya ssylka (XIX–XX vv.)*, Issue 2 (14), pp. 287-304.
- Le Goff, Zh. (1992), *Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West], Izdatel'skaya gruppa «Progress-Akademiya», Moscow, Russia, 376 p.
- Markdorf, N. (2011), "It was believed that it was impossible to escape", *Argumenty i fakty*, № 39, p. 11.
- Meerovich, M.G. (2008), *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi, 1917–1937* [Punishment by dwelling: Housing policy in the USSR as a means of managing people, 1917-1937], ROSPEN, Moscow, Russia, 304 p.
- Namnyak, M. & N. Tufton (2008), "Stockholm syndrome: psychiatric diagnosis or urban myth?", *Acta Psychiat-*

rica Scandinavica, V. 117 (1), pp. 4-11.

Neminushchiy, A.N. (2016), "The category of femininity in the Soviet cinema in the 1930s", *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 3, pp. 117-124.

"Note by the Politburo Commission of the CPSU Central Committee on the additional study of materials related to the repression that took place during the 30s, 40s and early 50s" (1995), *Vestnik Arhiva Prezidenta RF*, № 1, pp. 123-130.

Oouti, M. (1955), *Starye voennye botinki* [Old military boots], w.p., Hokkaido, Japan.

Pushkareva, N.L. (2012), "The Gender System in Russia in the 20th Century and the Fates of Russians", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 117, pp. 8-24.

Rayh, V. (1997), *Psikhologiya mass i fashizm* [Psychology of the masses and fascism], Universitetskaya kniga, Progress, St. Petersburg; Moscow, Russia, 379 p.

Ringel'haym, Dzh. (2000), "Women and the Holocaust: rethinking of research", in Gapova, E. & A. Usmanova (eds.), *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory], Propilei, Minsk, pp. 254-279.

"Russian captivity with the eyes of a Japanese soldier" (2010), *Pribaikalye*, September 29, available at: <http://www.pribaikal.ru/events-culture0/article/5450.html> (accessed: 25.01.2018).

Safina, A. (w.d.), *Vstrechi s proshlym i nastoyashchim: Nemetskie i yaponskie voennoplennye glazami zhiteley Elabuga* [Meetings with the past and present: German and Japanese prisoners of war as seen by the inhabitants of Yelabuga], available at: <http://urokiistorii.ru/article/1135> (accessed: 25.01.2018).

Saito, K. (1991), *Manga. Siberia yokuryuhei monogatari. (Povest' o sibirskom internirovanii)* [Manga. Siberia yokuryuhei monogatari. The Tale of Siberian Internment], Vol. 2, Tayryusya, Tokyo, Japan, 261 p.

Sato, K. (1986), *Siberia ryosyu-no inori (Molitva sibirskogo plennika)* [Siberia ryosyu no Inori (Prayer of a Siberian prisoner)], Tyryusha, Tokyo, Japan, 294 p.

Sato, K. (ed.) (1997), *Siberia yokuryu (Sibirskoe internirovanie)* [Siberia yokuryu (Siberian internment)], Izd-vo Hyumansya, Tokyo, Japan, 196 p.

Sazhneva, E. (2005), "Russian coffin for the samurai", *Moskovskiy komsomolets*, May 11, available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/05/11/196470-russkiy-grob-dlya-samuraya.html> (accessed: 25.01.2018).

Spector, R. (2008), *In the Ruins of Empire: The Japanese Surrender and the Battle for Postwar Asia*, Random House Trade Paperbacks, New York, USA, 400 p.

Spiridonov, M.N. (w.d.), *Yaponskie voennoplennye v Krasnoyarskom krae (1945-1948 gg.): problemy razmeshcheniya, sodержaniya i trudovogo ispol'zovaniya* [Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk Territory (1945-1948): problems of placement, content and labor use], available at: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/43.htm> (accessed: 25.01.2018).

Surzhikova, N.V. (2009), "The Soviet captivity and internment as a stress of acculturation", *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Istoriya Rossii*, № 3, pp. 132-143

Tarasov, A. (2018), "Two sergeants. Vasily Durochkin guarded, Yukio Yoshida sat. How the Japanese prisoners were killed and how they survived in Siberia", *Novaya gazeta*, № 47, available at: www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/07/76371-dva-serzhanta (accessed: 02/02/2018)

Timasheff, N.S. (1946), *The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*, E.P. Dutton and Company Inc., New York, USA, 486 p.

Torkunov, A.V. & M. Iokibe (eds.) (2015), *Rossiysko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian-Japanese relations in the format of parallel history], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia, 1023 p.

Trapyanok, N.G. (2001), *Sotsiologicheskii monitoring massovogo povedeniya lyudey v ekstremal'nykh situatsiyah* [Sociological monitoring of mass behavior of people in extreme situations], BGU, Minsk, 215 p.

Tutov, A.V. (w.d.), *Yaponskie voennoplennye v Uzbekistane* [Japanese prisoners of war in Uzbekistan], available at: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html (accessed: 25.01.2018).

Uetsuhara, Y. (1995), "Map "I". Barei iroha map", in *Siberia yokuryu gaten (Shiberia yokuryu gaten. Vystavka kartin ob internirovanii v Sibiri)* [Siberia yokuryu gaten (Shiberia yokuryu gaten (Exhibition of paintings on internment in Siberia)], Series 1, Maizuru Hikiage Kinekan, Maizuru, Japan.

Vail, P. & A. Genis (1996), *60-e gody. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of a Soviet man], NLO, Moscow, Russia, 432 p.

Vishnevskiy, A.G. (2016), "Demographic consequences of the Great Patriotic War", *Demograficheskoe obozrenie*, Vol. 3, № 2, p. 342.

Yamashita, S. (1993), *Za mir! Dokumental'nye zarisovki odnogo yaponskogo soldata. Rasskaz o Sibiri* [For peace! Documentary sketches of a Japanese soldier. Story about Siberia], w.p., Chiba, Japan, 156 p.

Yukio, Y. (2000), *Tri goda v plenu. Skazanie byvshego voennoplennogo serzhanta yaponskoy armii* [Three years in the Japanese captivity. The legend of a former prisoner of war, a sergeant of the Japanese army], Zelenogorskaya tip., Zelenogorsk, Russia, 112 p.

Zagorulko, M.M. (ed.) (2000), *Voennoplennye v SSSR. 1939-1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939-1956. Documents and materials], Logos, Moscow, Russia, 1120 p.

Zhilyaeva, Ya. (2018), "Turgenev girls of modern Russia", *Neprikosnovenny zapas*, Volume 3, Issue 119, pp. 145-152.